

# Что делать, куда плыть?

Культура. — 2004. — 11-17 ноября. — С. 11

*Предполагаемая театральная реформа еще до начала своего осуществления вызвала массу слухов и по большей части пессимистических прогнозов. Вчера в СТД РФ состоялось масштабное собрание художественных руководителей московских театров по проблемам грядущих перемен. С его итогами "Культура" познакомит читателей в следующем номере. Пока же мы предлагаем дореформенные размышления руководителя Нового драматического театра Вячеслава ДОЛГАЧЕВА. Назначенный на этот пост в 2001 году и переизбранный на новый пятилетний срок в 2004 году, Долгачев сомневается в том, что многое из намеченного вследствие реформы ему удастся осуществить. Как, впрочем, и в том, что уцелеет и сам Новый драматический.*

— Сегодня в театральном мире сложилась очень тревожная ситуация. Не только я это ощущаю, но и все остальные. Мне кажется, об этом нельзя молчать, потому что та реформа, которая на нас надвигается, — вещь очень опасная. Она может оказаться непоправимой для всего российского театрального искусства.

**— Какие конкретные аспекты реформы вы имеете в виду?**

— Говорят о так называемой реструктуризации театра. То есть одни коллективы перейдут на хозрасчет, другие — на частичное и очень незначительное финансирование. Но оно и до сегодняшнего дня не было значительным. Практически все театры, и в частности Новый драматический, очень нелегко живут в финансовом плане. В наше сознание упорно внедряется мысль о том, что театры должны зарабатывать сами и сами себя обеспечивать, потому что государство этого сделать не может. Но это, по-моему, грубейшая ошибка, если государство действительно думает о нации. Делать театр товаром — значит уничтожить значительную часть культуры.

Говорят, что скоро нам предстоит выбрать модель, в которой мы будем существовать. Каждый театр сам должен об этом заявить, тем самым подписав свой смертный приговор. Смерть будет либо мгновенной, либо медленной и мучительной. Другого варианта я не вижу. Думаю, некий документ готовится в такой форме, что мы вряд ли сможем что-то изменить. Я вообще слабо верю в нашу демократию, если таковая существ-

ует. Когда в правительстве что-то задумано, это будет осуществлено.

**— И сами театральные деятели не в состоянии ничего предпринять?**

— Я в этом смысле пессимист. Мне кажется, до сих пор ничего подобного не удавалось делать. Видимо, наверху есть какие-то неясные для меня основания. Вероятно, финансовые. Хотя я не могу поверить в то, что наша страна настолько обеднела, что не в состоянии содержать свою культуру. А мы ведь обладаем уникальным достоянием, которого нет нигде в мире, — это репертуарный театр. О нем мечтают все. Где бы я за границей ни работал, на меня смотрят с завистью, потому что я являюсь представителем русского репертуарного театра.

**— Вы полагаете, здесь от него хотят избавиться?**

— По счастью, не все. Правительство — да. Но я — за театр-дом, театр-семью. Я думаю, только в такой организации могут генерироваться какие-то серьезные идеи, может развиваться искусство. Я много работал в США, знаю их театр. Там нет традиции театральной стабильности, вот и нас сейчас пытаются ее лишить.

**— Если российский театр лишится государственной поддержки, найдутся ли у него пути выживания в его нынешнем виде, или это конец традиционного русского и советского театра?**

— Думаю, на 90 процентов — конец. Театр не сможет себя полностью содержать. Он должен будет либо выпускать какие-то "смехопанорамы", либо вдруг найдется невероятный



В. Долгачев

меценат. Сегодня трудно найти спонсоров, которые могут хотя бы временно поддерживать искусство, а целиком содержать театр не возьмется никто. Это заведомо убыточное предприятие. Особенно если это драматический театр, а не мюзикл. Кстати, у нас и мюзиклы прогорели.

Мы и сейчас-то живем очень бедно, скромно. Стыдно сказать, какие у нас зарплаты. Только действительно настоящие артисты, которые любят свое дело, могут за эти деньги здесь работать. И тем не менее даже в таких условиях мы все же в состоянии развиваться. Но когда нам предрекают лишь частичную оплату коммунальных услуг и содержания здания, минимальные зарплаты (значит, меньше нынешних, а меньше некуда), финансирование в лучшем случае одной постановки в год, наше существование станет практически нереальным.

Конечно, я сейчас думаю обо всем этом. Изобретаю ходы, пути, чтобы выжить в любых условиях. Но если нам одно крыло оторвут, на втором мы вряд ли далеко улетим.

На самом деле страшная ситуация. Мы живем в ожидании приговора. А дальше могут сказать: всем спасибо, выметайтесь, не нужны эти театры никому. Зато очень востребованы казино, ночные клубы. Мне кажется, это ужасная пози-

ция, совсем не государственная.

**— Я думаю, ваш пафос связан не только с сохранением рабочих мест для артистов Нового драматического и собственного статуса худрука?**

— Безусловно. В театре же есть нечто, которое ничем заменить невозможно. Театр — это явление соборное, когда много людей собирается в одном месте и на их глазах происходит акт творчества, имеющий мощное воздействие, и не только воспитательное, но, я бы сказал, и терапевтическое. А наше общество сегодня нуждается в терапии как никакое другое. Так что театр — это важнейший общественный институт. Я думаю, что три "академии" в Москве и две в Санкт-Петербурге не в состоянии удовлетворить потребности всей нации.

**— Но, согласитесь, в Москве все же чрезмерно много государственных театров, часть из которых не соответствует критериям качества.**

— Согласен. Этот вопрос не такой простой. Но ведь у Комитета по культуре существует большое количество экспертов и экспертных советов. Комитет в состоянии во всем разобраться и нести за это ответственность. Странно другое: что все хотят решить одним махом — выживайте как хотите. Уж лучше тогда закрыть театр.

Думаю, если отдельный коллектив не справляется со своими задачами, то, наверное, было бы справедливо принять какое-то решение по отношению к этому конкретному театру. Если же все требования выполняются в том качестве, которое необходимо городу, решение может быть другим.

**— Сейчас активно заработала система свободных площадок, независимых групп и спектаклей, созданных на отдельные гранты. Возможно, в этом видится некий выход из ситуации?**

— Кто же против независимых групп и антреприз? Но я не думаю, что это может заменить собой систему репертуарного театра. Это лишь часть нашего театрального пространства. Свободные площадки — очень

хорошая вещь. Но зачем остальные стулья ломать, уничтожать наработанное, серьезное, востребованное? Мне кажется, бросить театры на самостоятельное выживание можно только от непонимания самой структуры театра, его идеи.

**— А какой аспект реформы вам, как худруку, кажется действительно назревшим?**

— Худруки давно мечтают о том, чтобы им развязали руки в деле формирования труппы. В любом театре есть актеры "неприкасаемые", зачастую не работающие, между тем как сам худрук находится на срочном трудовом договоре. И Комитет по культуре, как всякий работодатель, может в любой момент прервать со мной отношения, предъявить какие-то претензии и назначить другого руководителя. Я же связан по рукам и ногам. Мне удалось добиться того, что все новые актеры, поступающие в труппу, становятся контрактниками. И никто из них по этому поводу не печалится. Вполне нормальные складываются отношения — и творческие, и административные.

Конечно же, театру нужна долгосрочная творческая программа. Но я теперь не знаю, что с нами произойдет завтра. А любая стратегия должна на чем-то базироваться, чтобы были условия для ее выполнения. К тому же некоторое время назад нам очень сильно осложнило жизнь казначейство, взявшее под контроль все доходы театров. Это страшная петля на шее у всех. Видимо, полагали, что оно создавалось для того, чтобы упорядочить "безумные денежные потоки". Просто банк какой-то, а не театр, где считают каждую копейку. Но воровать-то, думаю, найдутся умельцы при любых, самых жестких законах. Отщут лазейку и у казначейства, вероятно, тоже украдут. Так что эта мера ничем не улучшила жизнь, только ее осложнила.

Поэтому, повторюсь, у меня трагические ощущения. Непонятно, что делать, куда плыть. А творческих планов много, желаний — море.

Беседу вел  
Ирина АЛПАТОВА  
Фото ИТАР-ТАСС